

О том, что произошло у старой госпожи Хань, Хан Сиэнь узнал лишь на следующее утро после пробуждения. Хотя они уже и сбросили маски, окончательно порвав друг с другом, после завтрака он всё же отправился в дворик Вутонов.

Хан Чжо в одном был прав: близость к государю сродни соседству с тигром. Раз уж Сиэнь решил окончательно осесть в этой эпохе и наладить свою жизнь, следовало вести себя осмотрительнее. Сейчас за его спиной стоял император, обещавший на словах немалую власть, однако Великая Чжоу оставалась государством, где сыновний долг почитался превыше всего. Стоило пренебречь хотя бы видимостью приличий и дать недоброжелателям зацепку — и правитель при всём желании не смог бы закрыть глаза на пересуды и выставить его образцом добродетели перед лицом двора.

Однако стоило Хан Сиэню переступить порог дворика Вутонов, как дорогу ему преградила матушка Ван. Ссылаясь на то, что старая госпожа Хань почивает, она не пустила его в покои. Впрочем, Сиэнь не растерялся и прямо у дверей разразился столь громкими и участливыми расспросами о здоровье бабушки, что едва не заставил ту проснуться от злости прямо в постели.

Матушка Ван не на шутку испугалась, что молодой господин, наплевав на приличия, ворвётся в спальню, как накануне, и окончательно сведёт старуху в могилу. Скользнув взглядом по лицу служанки и без труда прочитав её сокровенные мысли, Хан Сиэнь понял: недуг разыгрался внезапно, но лекарь поспел вовремя, так что ничего серьёзного старой госпоже Хань не грозило. Правда, целитель строго-настрого велел беречь больную от волнений, иначе справиться с приступами будет куда сложнее.

Хан Сиэню было совершенно безразлично, пойдёт ли старуха на поправку. Исполнив сыновний долг для галочки, он удалился. Вчерашние слова о визите во дворец вовсе не были пустой похвалой — предъявив императорский жетон, он без малейших препятствий миновал стражу, которая препроводила его к самому Императорскому кабинету. У дверей кабинета он столкнулся лицом к лицу с Третьим принцем, Цзи Ло.

Увидев Хан Сиэня в дворцовых коридорах, Цзи Ло вновь не сумел скрыть изумления. Накануне, заметив наследника на пиру, он уже застыл в растерянности, а уж когда увидел, с каким пренебрежением тот отнёсся к Вдовствующей императрице, в голове принца завертелся рой догадок.

В прошлой жизни ему потребовались годы, чтобы разузнать о глубокой, тщательно скрываемой вражде между отцом-императором и Вдовствующей императрицей. В этой старой распре был замешан и его покойный родитель-супруг, Ван Ин. Цзи Ло долго распутывал дело о его кончине, но все дворцовые архивы были вычищены до блеска. Ему удалось отыскать лишь смутные зацепки: шептались, будто в ночь смерти его родителя-супруга в его покоях видели постороннего мужчину.

Когда Ван Ин ушёл из жизни, Цзи Ло не исполнилось и трёх лет. Он даже не помнил лица покойного, сохранив лишь смутное ощущение тепла и нежности, исходивших от этого человека. И он ни за что на свете не поверил бы, что его родитель-супруг был способен на

столь гнусное предательство в стенах собственного дворца.

Правда, из-за нехватки улик тайна так и осталась нераскрытой. Однако, зная истинное отношение императора к матери, Цзи Ло мог сложить мозаику: в былые годы его родитель-супруг пользовался безраздельной милостью государя, затмевая весь гарем. Вдовствующая императрица, не вынеся этого, устроила заговор, который стоил Ван Ину жизни, а после попыталась очернить его честное имя.

Поверил ли тогда государь в измену или нет, дело он предпочёл замять. В дворцовых книгах причиной смерти Ван Ина значился внезапный недуг. Сам же Цзи Ло, будучи Третьим принцем, с малых лет не знал отцовской ласки — его отдали на воспитание наложнице самого низкого ранга. По счастью, женщина оказалась заботливой и не пыталась сбить сироту с пути истинного.

Со временем принц осознал: чтобы завоевать расположение государя, нужно развязать узлы, терзающие его душу. Хан Сиэнь же, едва объявившись, мгновенно нащупал эту застарелую душевную рану императора.

Подобная перемена в поведении наследника, столь разительно отличавшаяся от его прошлой жизни, будила в Цзи Ло жгучее любопытство. И всё же он не мог утверждать наверняка, вернулся ли Хан Сиэнь из будущего так же, как и он сам. В прошлой жизни Сиэнь держался как можно дальше от дворцовых интриг, а когда он устроил то громкое самоубийство, Цзи Ло ещё даже не докопался до истины. Стало быть, этот человек никак не мог обладать столь опасными знаниями.

Как бы то ни было, отныне Хан Сиэнь стал главной переменной в его планах. А к неведомым силам Цзи Ло привык относиться с предельной осторожностью.

Впрочем, самому Хан Сиэню не было дела до чужой настороженности. Не замедляя шага, он прошёл мимо принца, даже не удостоив его дежурным кивком.

Наблюдавший за этой сценой у дверей евнух Юань Бао сделал для себя мысленную заметку о характере молодого гостя. По его разумению, пусть Третий принц и прозябал в немилости, он всё же оставался сыном неба. Хан Сиэнь, едва успев снискать благосклонность владыки, уже воротит нос от императорской крови. Какая поразительная, немыслимая дерзость!

Разумеется, эти рассуждения евнух оставил при себе. Как только Хан Сиэнь приблизился к дверям, Юань Бао поспешил доложить о визитере. Услышав дозволение императора, он с угодливой улыбкой распахнул створки, приглашая гостя войти.

Цзи Ло не обиделся на пренебрежение. В своей прошлой ипостаси Хан Сиэнь вообще никого не ставил в грош. То ли от нежелания жить, то ли по иной причине, он тогда действовал напролом, без всяких тонких интриг, и в мгновение ока превратил величавое поместье герцога первой степени в позорное посмешище для всей столицы.

При этой мысли взгляд Цзи Ло, провожавшего удаляющуюся спину наследника, потемнел. Сдержанно кивнув застывшему на страже Юань Бао, он развернулся и зашагал прочь. Предстояло тщательно продумать, как шаг за шагом лишить будущих соперников их верной опоры.

Когда Хан Сиэнь переступил порог кабинета, разгневанный император как раз швырнул доклад на стол — да с такой силой, что свиток проехался по лакированной поверхности и соскользнул на пол. Сиэнь невозмутимо подобрал его, бегло скользнул взглядом по ровным строчкам и вернул на императорский стол. Бумагу подал Цзи Ло. В ней говорилось о происшествии двухдневной давности, о котором принц, не желая омрачать празднование юбилея Вдовствующей императрицы, решился доложить только сегодня.

В своём донесении Третий принц обвинял Ли Юя, сына столичного министра чинов Ли Чжуна. Согласно докладу, пару дней назад в трактире Забывшегося Бессмертного тот в открытую требовал взятку у некоего чиновника за содействие в продвижении по службе. Аппетиты Ли Юя поражали: лишь за то, чтобы передать слово отцу, он затребовал пятьдесят тысяч лян серебра. За личную аудиенцию соискателя с министром — ещё сто тысяч. В случае же благополучного исхода дела сумма удваивалась.

Цзи Ло не поленился зафиксировать все иносказания и тайные знаки, которыми обменивались сообщники, а также в подробностях описал внешность взяткодателя.

Государь всегда люто ненавидел мздоимцев, особенно тех, кто умудрялся обирать казну и подданных у него под самым носом. Нынешний же его гнев удваивался тем, что подлец Ли Юй приходился зятем его собственной материнской родне — клану Ши, взяв в жёны их законную внучку. Природа наградила Ли Юя смазливый лицом, но умом и рвением обделила: бездельник умел лишь проматывать деньги, сутками пропадал за игорными столами и за всю службу не совершил ничего полезного, оставаясь бесцветной бездарностью.

В своё время клан Ши приложил немало усилий, чтобы возвести нынешнего правителя на престол, а старший сын его дяди, Ши Лэй, и вовсе погиб, заслонив будущего императора собой. Овдовевшая супруга Ши Лэя тогда носила под сердцем дитя. Родив девочку, которую нарекли Ши Жуй, несчастная вскоре угасла, последовав за мужем. Она оставила после себя добрую память, но её дочь обрекла на участь круглой сироты.

Из признательности за эту жертву император, едва взойдя на трон, в обход всех правил пожаловал малолетней Ши Жуй титул окружной княжны и всегда выказывал ей особую заботу. Дед же в сироте и вовсе души не чаял, потакая любым капризам. В итоге княжна выросла вздорной, недалёкой особой, привыкшей бездумно сорить деньгами.

Позже, из-за козней Вдовствующей императрицы, государь отдалился от клана Ши, но о племяннице не забывал: время от времени посылал ей дорогие подарки, дабы никто в родном доме не смел притеснять сироту.

Когда Ши Жуй достигла совершеннолетия, семья принялась подыскивать ей достойного мужа

среди благородных столичных семейств. Однако девица выбирала исключительно по внешности и наотрез отказалась выходить за кого-либо, кроме смазливового Ли Юя. Поначалу родные воспротивились столь сомнительному союзу, но после долгих истерик и слёзных просьб, с которыми избалованная девчонка дошла до самого государя, клану Ши пришлось уступить.

Благодаря этому браку кланы Ли и Ши заметно сблизились. А поскольку оба семейства обладали немалым весом при дворе, подобный союз вовсе не радовал императора.

Все эти годы император платил мачехе тихой неприязнью. Забрав бразды правления в свои руки, он вынудил её затвориться в покоях под предлогом вечного недомогания — Вдовствующая императрица являлась лишь на самые важные торжества, а наложницы навещали её исключительно по первым и пятнадцатым числам каждого месяца. Что касается клана Ши, у государя не было против них веских улик, да и память о прежней верности мешала устраивать открытые гонения.

Очнувшись от раздумий, император взглянул на Хан Сиэня и указал на лежащий свиток:

— Ознакомься-ка.

Хан Сиэнь развернул донесение, пробежал глазами по тексту и отложил в сторону.

— Ну, что скажешь? — спросил повелитель.

— Если изложенное Третьим принцем — правда, — ровным тоном произнёс Сиэнь, прямо глядя на государя, — то, по скромному мнению вашего слуги, клан Ли заслуживает полной конфискации имущества.

— Конфискация? — задумчиво повторил император.

Слова маркиза угодили в самую точку — владыка давно лелеял мысль прибрать к рукам богатства зажавшихся вельмож. В последние годы казна изрядно опустела: наводнения на юге Цзяннаня и содержание пограничной армии требовали колоссальных трат, однако Министерство доходов на каждом собрании лишь жалобно причитало об отсутствии средств. Внезапный приток золота со стороны провинившихся чиновников пришёлся бы как нельзя кстати.

Однако сам император не мог отдать подобный приказ на основании одних лишь слов Цзи Ло. Требовались неопровержимые доказательства. И теперь пришёл черёд проверить, насколько острым и послушным окажется клинок в лице Хан Сиэня.

Хан Сиэнь, прекрасно уловив невысказанное желание правителя, склонил голову:

— Ваш слуга готов лично взяться за расследование этого дела.

— Твоё рвение весьма похвально, — с удовлетворением отозвался император. — Разберись во всём досконально. Что тебе потребуется для этого?

— Ваш слуга — человек нелюдимый, мало кому известный в столице, — спокойно ответил Хан Сиэнь. — Посему я просил бы выделить мне полсотни императорских гвардейцев. Пусть на время следствия они перейдут в моё полное подчинение.

Император удивлённо приподнял бровь:

— Полсотни гвардейцев?

— Именно так, — с самым серьёзным видом подтвердил Сиэнь. — Телосложения я хрупкого, а с вашей личной гвардией за спиной буду чувствовать себя в полной безопасности.

Государь на мгновение задумался, а затем с едва заметной усмешкой произнес:

— Что ж, в таком случае завтра вместе с тобой отправится Юань Бао. Но помни, возлюбленный подданный Хан: не смей возводить напраслину на невиновных.

Разумеется, Хан Сиэнь без колебаний принял напутствие.

Настроение императора заметно улучшилось. Закрыв глаза, он махнул рукой, позволяя маркизу удалиться.

Вернувшись из дворца в дворик Душистых Орхидей, Хан Сиэнь только успел переодеться в простое домашнее платье, как к нему боязливо приблизилась Би Хуа.

— Наследник... матушка Дун преставилась, — прошептала служанка, заметно вздрогнув.

После того как Сиэнь жестоко покарал старую няньку, ей не позволили даже обработать раны лекарством. Должно быть, несчастная скончалась в страшных муках.

В покоях царил полумрак. Легкий ветерок пошатывал деревянные рамы, отчего те негромко, уныло поскрипывали. Тонкие шелковые занавеси колыхались, то и дело скрывая тенью лицо Хан Сиэня.

Ему вспомнились служанки Мэй, Лань, Чжу и Цзюй, чьи судьбы когда-то сгубила злобная старуха. Трое из них давно покинули этот мир. Должно быть, сейчас их души уже замерли у моста Беспомощности в ожидании своей мучительницы.

Би Хуа стояла, низко опустив голову, пока тишину не нарушил ледяной голос господина:

— Раз умерла — пошли за её роднёй, пусть забирают тело. Если же никому нет дела, избавься от него обычным порядком.

Служанка поспешно склонилась в поклоне.

<http://bllate.org/book/20088/2001987>